

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHII (Russia) = 0.207	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 4.102	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2018 Issue: 04 Volume: 60

Published: 30.04.2018 <http://T-Science.org>

Timur Ednanovich Karabaev

Defense Attorney
(member of Bishkek territorial advocatura),
Graduate student of National Academy of Science
of the Kyrgyz Republic

SECTION 32. Jurisprudence.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT OF PLEA BARGAINING IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF KYRGYZSTAN AND THE UNITED STATES OF AMERICA

Abstract: Approaches in the criminal legislation of Kyrgyzstan regarding procedural agreements (on recognition of guilt and on cooperation) can be considered as contiguous to the American tradition of plea bargaining, but still this comparison is rather conditional in view of significant differences connected to the essential characteristics inherent in the legal systems of the Romano-Germanic (continental) and Common (precedent) legal families.

Key words: procedural agreement, plea bargaining, cooperation with investigation, criminal process, judicial and legal reform.

Language: Russian

Citation: Karabaev TE (2018) COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT OF PLEA BARGAINING IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF KYRGYZSTAN AND THE UNITED STATES OF AMERICA. ISJ Theoretical & Applied Science, 04 (60): 143-146.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-04-60-27> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2018.04.60.27>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ «ПРИЗНАНИЯ ВИНЫ» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КЫРГЫЗСТАНА И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Аннотация: Подходы в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызстана касательно процессуальных соглашений (о признании вины и о сотрудничестве) могут быть рассмотрены как смежные американской традиции процессуальных соглашений, но все же такое сравнение достаточно условное в виду наличия значительных различий, что связано, кроме всего прочего, и с существенными характеристиками, присущими правовым системам романо-германской и прецедентной правовых семей.

Ключевые слова: процессуальное соглашение, сделка с правосудием, сотрудничество со следствием, уголовный процесс, судебная-правовая реформа.

Introduction

Судебно-правовая реформа в Кыргызской Республике (далее – КР), инициированная указами Президента КР в 2012 году [1] вводит в национальное право и практику новые подходы и элементы по различным направлениям, и в сфере уголовно-процессуального законодательства и практики одним из самых необычных институтов является вопросы «процессуальных соглашений». Данный правовой институт заслуженно рассматривается в юридической доктрине как подход, отражающий новое содержание отношений публичной и частных сфер и интересов, отношений государства и личности [5], что обуславливает научный интерес к данному вопросу.

Materials and Methods

В отличие от российского подхода, который по определенным содержательным характеристикам чаще *сравнивается* и в некоторой степени отождествляется с европейским вариантом «сделки с правосудием» [6], правовой институт процессуальных соглашений в кыргызстанской системе значительно отличается от российского и казахского подходов, представляя собой более гибкий, компромиссный и состязательный механизм, в котором сторонам дается возможность регламентировать в соглашении взаимные обязательства, определять условия, размер и вид уголовного наказания.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.207	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 4.102	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

Таким образом, теоретический анализ механизма «процессуальных соглашений» позволяет заключить, что такая интерпретация концепции «сделки с правосудием» в праве КР является весьма гибкой и адаптивной в сравнении с подходами в других странах Содружества Независимых Государств и такой подход все же ближе по своему содержанию не к европейскому, но к американскому варианту «сделки о признании вины».

Указанная схожесть выражена в таких аспектах, как пределы исследования доказательств и определения обстоятельств совершения преступления, возможности регулирования вопросов о виде и размере наказания, дискреционные полномочия прокурорской службы, функциональные механизмы достижения компромиссных решений, функции и пределы судебного рассмотрения и усмотрения, и т.д.

Вместе с тем, существуют и важные отличия кыргызстанских процессуальных соглашений от американского подхода, что выражается, в первую очередь, в несколько суженном подходе в сравнении с американским.

В российской практике, «сфера возможного применения досудебного соглашения о сотрудничестве ограничивается рамками уголовного дела в отношении данного подозреваемого (обвиняемого)» [6]. Таким образом, акцент практической реализации условий соглашения направлен на обнаружение и изобличение соучастников рассматриваемого группового преступления, но также с возможностью раскрытия других преступлений, к которым сотрудничающее лицо напрямую непричастно, но которое было совершено указанными соучастниками первичного преступления.

Такой подход был определен в российском законодательстве, но правоприменительная и судебная практика значительно расширили сферу применения рассматриваемого механизма в Российской Федерации (далее – РФ). Так, в обобщении [4] Московского областного суда прямо указывается, что «...судебная практика внесла свои коррективы в правила применения главы 40.1 УПК РФ». Это выразилось в том, что по многим категориям дел было невозможным или же нецелесообразным ограничивать сферу применения соглашения о сотрудничестве одним или несколькими преступлениями, в которых сотрудничающее лица участвовало лично.

Такой подход значительно сужает возможности использования рассматриваемого механизма, но что еще важнее такой усеченный формат противоречит логике и позиции законодателя, который пытался посредством процессуальных соглашений о сотрудничестве

эффективно бороться с преступностью.

Проблемная ситуация «сове преступление – чужое преступление» показало не только кризис правоприменительной практики, но также обозначило такие негативные тенденции как излишняя степень привязанности правоприменителей к нормам законодательства, которое становится все более «зарегулированной», исключая возможность широкого использования механизма исходя из его концептуальных задач.

Можно ожидать, что такое расширение сферы применения будет возможно и в КР, но отсутствие практики обуславливает необходимость первоочередное изучение нормативных положений в законодательстве. Речь идет не о конкретных положениях самого соглашения, касающихся того, что именно может быть предметом и объектом соглашения, но вопроса по каким составам преступлений и в какой мере механизм может быть реализован.

Доктрина [6] отмечает, что «...модель сотрудничества не должна строиться только лишь на получении информации, позволяющей установить и привлечь к ответственности иных соучастников преступления. Она являет собой совокупность многих других элементов».

Таковыми элементами могут выступить возможности более полного выяснения обстоятельств преступлений через активное содействие в его расследовании, в идентификации и раскрытии других субъектов, которые проходят соучастниками или информация о других аспектах их противоправной деятельности, раскрытие собственной преступной деятельности и многие другие.

Новое уголовно-процессуальное законодательство КР (далее – УПК КР) устанавливает четкие границы сферы применения процессуальных соглашений. Так, процессуальные соглашения о признании вины могут быть заключены (подозреваемым и обвиняемым) только по уголовным делам о менее тяжких и тяжких преступлениях [2, ст.487-491]. Если судья придет к выводу, что соответствующие требования к соглашению о признании вины соблюдены, то он назначает обвиняемому наказание, предусмотренное соглашением.

Соглашение о сотрудничестве может быть заключено по особо тяжким преступлениям, предусмотренным конкретными статьями Уголовного кодекса [2, ст.492-498]. В этом случае судья постановляет приговор, если удостоверится, что государственный обвинитель подтвердил активное содействие обвиняемого досудебному производству в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.207	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 4.102	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.

По третьему виду соглашения можно отметить, что примирение может быть достигнуто в производстве по делам о проступках и некоторым незначительным составам преступлений [2, ст.499-501].

Стоит отметить, что традиционное понимание «сделки с правосудием» не следует указанным ограничениям, но включает весь спектр уголовно-правовых нарушений в сферу применения концепции “plea bargaining”, которая отражает одновременно черты соглашений о признании вины и о сотрудничестве по смыслу соответствующих статей уголовно-процессуального законодательства КР.

Для американской системы присущи высокая дискреция прокурора по решению формата применения рассматриваемого процессуального механизма, и потому многие процедурные аспекты не урегулированы в той мере, как это сделано в КР, но все же в отношении неурегулированных аспектов действует логика и принципы расширения сферы применения соглашений для большей эффективности борьбы с преступностью и финансово-экономической экономии государственных усилий и средств.

Если учитывать задачи, которые ставили законодатели, то становится ясно, что предполагалось максимальное расширение сферы применения процессуальных. В частности, в справке-обосновании [3] содержит положение о сущности рассматриваемых механизмов, которые вводятся для широкой борьбы с организованной преступностью «...суть процессуального соглашения заключается в способствовании раскрытию преступлений». Одним из самых важных вопросов была необходимость эффективной борьбы с организованной преступностью в КР, так как практика показала отсутствие необходимых процессуальных инструментов для раскрытия сложных преступлений на национальном и региональном уровнях.

Юридическая наука указывает одним из позитивных эффектов активного использования механизмов сотрудничества на уровне следствия

(что корреспондирует американской концепции plea bargain) более эффективные возможности раскрытия дополнительных преступлений [7, с.118-121]. В определенных случаях следственные ситуации (как совокупности фактических данных, отражающих существенные черты события [8]) требуют использование специфических криминалистических и тактических приемов, к которым можно отнести вопросы сотрудничества (как наиболее целесообразную линию поведения в расследовании [9; 10, с.241]). Эксперты отмечают эффективность тактико-криминалистических приемов при расследовании преступлений, если они связаны с элементами сотрудничества [11].

Conclusion

Вместе с тем, как показывает практика Казахстана и РФ, важным является то, в каком направлении будет развиваться правоприменительная практика в ситуации наличия пробелов в законодательстве, так как возможны тенденции правоприменения, которые будут противоречить логике и позиции законодателя, а также целям судебной реформы.

Интересным является вопрос того, как развивалась дискуссия в юридической науке РФ, когда встал вопрос о возможности включения вопросов о мерах пресечения в предмет процессуальных соглашений. Данная спорная ситуация возможна и в КР, так как соответствующие вопросы не урегулированы в законодательстве, но тем не менее представляют значительный практический интерес для всех участников процесса.

Таким образом, является важным заключить, что подходы в УПК КР могут быть рассмотрены в сфере американской традиции процессуальных соглашений, но все же такое сравнение достаточно условное в виду наличия значительных различий материальных и процессуальных аспектов, что связано, кроме всего прочего, и с существенными характеристиками, присущими правовым системам романо-германской и прецедентной правовых семей.

References:

1. (2013) Ukazom Prezidenta KR ot 8 avgusta 2013 goda # 147.
2. (2017) Ugolovno-protsessualnyiy kodeks KR ot 2 fevralya 2017 goda # 20.

Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.207
ESJI (KZ) = 4.102
SJIF (Morocco) = 2.031

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260

3. (2017) Ofitsialnaya spravka-obosnovanie k proektu UPK KR ot 2 fevralya 2017 goda #20, <http://kenesh.kg/ru/draftlaw/166082/show>.
4. (2011) Obobshchenie po rezul'tatam izucheniya praktiki primeneniya sudami Moskovskoy oblasti RF norm glavyyi 40.1 UPK za 2010 god i pervoe polugodie 2011 goda, http://www.mosobsud.ru/ss_detale.php?id=143377
5. (2009) Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve storon v ugovnom protsesse RF: doktrina, zakonodatelnaya tehnika, tolkovanie i praktika. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata yuridicheskikh nauk, Spetsialnost: 12.00.09, Kolesnik V.V., <http://lawtheses.com/dosudebnoe-soglasenie-o-sotrudnichestve-storon-v-ugolovnom-protsesse-rossiyskoy-federatsii-doktrina-zakonodatelnaya-tehn>
6. (2009) Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve v ugovnom protsesse: pravovyye i organizatsionnyye voprosyy zaklyucheniya i realizatsii. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata yuridicheskikh nauk, Spetsialnost: 12.00.09, Kostenko N.S., <http://www.disserscat.com/content/dosudebnoe-soglasenie-o-sotrudnichestve-v-ugolovnom-protsesse>.
7. Udovichenko V.S. (2012) Sledstvennyye situatsii doprosa podozrevaemogo i obvinyaemogo po ugovnym delam v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv//Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012, #2-1.
8. Gavlo V.K. (1968) O pervonachalnykh sledstvennykh deystviyakh pri rassledovanii prestuplenii: doklad na itogovoy nauch.konf.yurid.fakultetov. – Tomsk, 1968, - Ch.3.
9. Drapkin L.Ya. (2010) Teoriya kriminalisticheskikh situatsiy: etapy razvitiya, struktura, sistema//Byulleten Mezhdunarodnoy assotsiatsii sodeystviya pravosudiyu. – 2010. S.#2.
10. (2012) Kriminalistika. Uglublennyiy kurs/pod red. L.Ya.Drapkina. – Moskva «Vysshaya shkola», 2012.
11. (2014) Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve kak taktiko-kriminalisticheskyy element borby s organizovannoy prestupnostyyu, Hamidullin R.S., Soyuz kriminalistov i kriminologov, 2014, #3-4.

